

Москва

9
2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Надежда КОНДАКОВА. Из новых стихотворений	3
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Скверное происшествие. История одного человека, рассказанная им посмертно. Роман	11
Григорий ВИХРОВ. Новый звук. Стихи	99
Владимир КРУПИН. Владик. Рассказ	105
Евгений ЧИГРИН. Платановый космос. Стихи	110
Сергей ФЕДЯКИН. На перекрестках памяти (Отцово детство). Рассказ	116
Лидия СЫЧЕВА. Щедрый стол. Рассказ	147

ПУБЛИЦИСТИКА

Андрей СЕРЕБРИЧ. Угроза для христиан	157
Дмитрий ВОЛОДИХИН. Квартирный рай и древнее подземелье	161
Александр ХОХЛОВ. Исламские финансы в России	167

КУЛЬТУРА

Михаил СМОЛИН. Уникальное время — уникальный свидетель: Иван Солоневич о революции	175
Вячеслав КИКТЕНКО. Венок Булгакову	184
Алексей МИНКИН. На «Тульскую» со своим самоваром	194
Игорь ШУМЕЙКО. «Бийский вестник»	208
Олег ТОРЧИНСКИЙ. «Наконец-то я прибыл в Россию...»	212

МОСКОВСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Галина ЩЕРБОВА. Бело-черно-красное. — Иван ГОЛУБНИЧИЙ. Всмотреться в человека. — Татьяна ЛОБАШКОВА. «Я счастлив, что мне пришлось в моей жизни видеть этот народный энтузиазм, не поддающийся описанию!»	215
--	-----

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Владимир КИСЛОВ. **Алексеевская роща** 226

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Протоиерей Алексей ЧАПЛИН. Украинский модернизм в РПЦ: русское вместо российского	231
Священник Димитрий ШИШКИН. Образ человеческий	234
Священник Валерий ДУХАНИН. Греховные страсти и их преодоление	238

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64

Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84

Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ,
П.В. МУЛЬТАТУЛИ, А.С. САЛУЦКИЙ,
М.Б. СМОЛИН (председатель), епископ ТИХОН (ШЕВКУНОВ),
И.Р. ШАФАРЕВИЧ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 26.08.16. Формат 70x108 1/16. Бумага типографская № 2. Печать офсетная.

Тираж 1480 экз.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: 73253 — каталог РОСПЕЧАТЬ, 15612 — «Пресса России», 45211 — каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография» Филиал «Чеховский Печатный Двор», 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1. Сайт: www.chpd.ru; e-mail: sales@chpk.ru, 8(495) 988-63-87.

ISSN 0131-2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 9, 2016

ИЗ НОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

Пасу народы

Кому какая участь,
кому какие роды...
А я все так же мучусь —
«пасу народы».

А мне все так же жалко
в Кузбассе и в Донбассе
цветного полушалка
и ватника в запасе.

Ну что поделатъ, жалко
до судорог, до дрожи —
и девочку Наталку,
и мальчика Серезу.

Надежда Васильевна Кондакова родилась в Оренбурге. Окончила два курса филологического факультета Саратовского государственного университета и Литературный институт имени А.М. Горького.

Заведовала отделом поэзии в журнале «Знамя» и в журнале «Октябрь», была составителем альманаха «Дня поэзии» (1979, 1980, 1982).

Печатается с 1966 года. Автор 11 книг стихов. Стихи публиковались в альманахах «День поэзии» и «Поэзия», в «Литературной газете», «Литературной России», в журналах «Волга», «Юность», «Молодая гвардия», «Сельская молодежь», «Новый мир», «Огонек», «Золотой век», «День и ночь», «Дон», «Континент» и др.

Награждена грамотой и медалью Министерства культуры Республики Болгария (2008). Лауреат премий журналов «Золотой век» и «Дети Ра», премии Правительства Москвы (статус государственной) (2011), общероссийской премии «Капитанская дочка» (2014).

Член Союза писателей Москвы и Союза писателей России.

Живет и работает в Москве.

Они лишь крикнут: «Папа!» —
и не умрут герои
по прихоти генштаба
у разоренной Трои.

И только станут строже
в строю — они же дети —
Наталка и Сережа,
Монтекки с Капулетти.

...Есть ощущение плена,
и нет уже запаса
у вечности, у тлена,
у рокового часа.

Есть бездна за плечами.
Есть твердая порода.
Вот и не сплю ночами —
пасу народы.

Глаголы

Все говорят — надо валить, валить...
А мне еще надо потолки побелить,
полы подмести, вынести сор
и дослушать Навальному приговор.
На трех могилках — посадить цветы,
дождаться их неземной красоты.
Встретить тех, кто придет с войны.
Вынести всех из Кремлевской стены,
похоронить на кладбище
и вас простить,
когда вы вернетесь их навестить.

Русская история

Вратами узкими,
шажками мелкими,
то с перегрузками,
то с перестрелками.
И все-то ново нам:
и есть на скатерти,
и с Годуновыми
стоять на паперти.
То с шурамурами,
то с танцашманцами
слыть самодурами
и самозванцами.
Стать подголосками

с глазами детскими
 то вдруг — кулацкими,
 а то — советскими.
 Слыть подпевалами
 не в поле колосу —
 то власти ряженой,
 то — вражью голосу.
 Но что покрестится
 при встрече с нечистью,
 то и уместится
 в любви к отечеству...

Ватники-виноватники

— *Я родом из оренбургского «форштадта».*
 — *Нет, ты родилась в «абиссинии»...*

...Если уж в «абиссинии»,
 значит — вблизи «форштадта»,
 где облака гусиные,
 перистые, как вата.

Значит, и есть мы ватники,
 дети больших провинций,
 ватники-виноватники,
 может быть, и провидцы.

...Не сталинист, не ратник,
 но из крестьян, из старых,
 дед мой, надевший ватник,
 в нем и почил на нарах.

Умер не от приклада
 стражника-иноверца,
 но от всего расклада
 и от разрыва сердца.

Небыли? Или были
 страшной такой огранки?
 ...Так его и зарыли —
 в ласковой вышиванке.

Как я люблю Украину,
 песенную сестричку! —
 и не откроешь тайну,
 и не напишешь в личку...

Может, и разорвется
 сердце — в разрыве линий...
 Что еще остается
 жителям абиссиний?!

* * *

Такое ощущение, что на дне,
 в каком-то обреченном батискафе,
 с подводкой затонувшей наравне
 и если не в отчаянье, то в страхе.
 Такое ощущение, что давно
 мы тоже все, шумеры и ацтеки,
 прошли, исчезли, канули на дно,
 остались где-то там — в двадцатом веке.
 И замер рот, и амальгама врет,
 и даже те, кто ласточки, кто дети, —
 растаяли, ушли не в свой черед,
 как спирт в огне, исчезли на рассвете.
 ...Что европейской ночью на земле
 поэт услышал в гениальных бреднях,
 то мы и ощущаем в феврале
 в Московии времен уже последних...

* * *

Ну, ужо тебе, Сивилла!
 Не в почете, так в чести.
 Раз — могила, два — могила,
 третья... Господи, помилуй,
 очередность — пропусти!
 Дай хоть полупередышку
 или воздуха глоток...
 Ты и такхватила лишку —
 не укусишь локоток!
 Не слышала Сивилла,
 ничего не пропустила.
 Но зато слышал Бог.
 И прибрал. И уберег.

* * *

Ни звонка, ни звоночка,
 ни калиточки стука.
 Ни тебя, ни сыночка,
 ни подружки, ни друга.

Лишь листочки узорные,
 пережившие стужу,
 как мечты иллюзорные,
 так и рвутся наружу.

Да шиповники колкие,
 обособившись кастою,
 выставляют иголки нам
 сквозь заборы щелястые —

и сквозь наши сомнения,
наши беды проточные
наши более-менее
огоньки междустрочные.

Вот и я в оглушении,
враз лишенная речи,
пятый год в оглашении —
перед верой во Встречу.

* * *

Памяти Володи

В предпоследнем целованье
на больничной простыне
столько боли, то есть — зная
о тебе и обо мне.

И покуда губы — в губы,
и пока душа — в душе,
я молчу о том, как люби
дни, прошедшие уже...

Нет ни страсти, ни влеченья
в легкой старческой руке,
но уходит в ночь свеченье
и не гаснет вдалеке.

А о том, что там, за знаньем,
за последним целованьем
на исходе немоты, —
знаем только я и ты...

* * *

Считанные годочки
с жизнью наедине,
ведь ни сынка, ни дочки
ты не оставил мне.

Это твоя добука,
или моя вина?
Только вокруг — ни звука,
мертвая тишина.

Старого ли режима
жаждет режим иной?
Только непостижимо
быть на земле — одной!

Думали ли, гадали —
но, не заговорив,
так и не увидали,
где впереди обрыв.

Стукнет во тьме калитка,
звякнет звонок дверной —
все о тебе молитва,
все обо мне, одной.

Что она напроорочит,
знаю наперечет:
прошлое — обесточит,
будущее — зажжет.

Мертвые и живые
вместе в единый ряд
встанут и, как впервые
в жизни, заговорят...

* * *

Похоронила всех, кого могла,
и замки все воздушные спалила.
Ну что, душа, ты дожила дотла,
до пыли, до невидимости тыла?

Теперь пойдем за тридевять морей —
в худую Иудейскую пустыню,
чтоб сжечь уже остатки кораблей —
в молитвах о бессмертии и сыне.

Чтоб все, что жило, мучило, и жгло,
и в памяти безудержной толпилось,
одной слезой глаза заволокло,
другой слезинкой — в небе растворилось.

А тот, кто машет издали рукой,
уже заметный, но еще неожиданный, —
другая жизнь и разговор другой,
не тяжелящий пальчик безымянный...

* * *

В синий отблеск фиолета
желтое — сквозимо.
Ожидаю бабье лето
и мужскую зиму.

Ожидаю, что откатят
прошлые разоры,

что опять затянут в кратер
огненные взоры.

И поселится большая
в сердце голубица.
И за это обещаю —
плакать и молиться.

* * *

Оглушило и ошарашило —
не обозналось ли? —
счастье покроя страшного,
с неба и до земли.

Как же нам это вынести,
в памяти теребя
прошое, чтоб не вырасти
больше самих себя?

Ведь не на вырост дадено
и не на окорот.
Счастье, а не украдено,
даже наоборот!

Горя нам было мало ли —
жалиться да тужить?
Нас оно не ломало ли
и не мешало жить?

А вот теперь — на паперти,
у счастья на поводу,
словно на белой скатерти
или на тонком льду.

* * *

Ты готов ли, ласковый и нежный,
встать со мной
на неотвратимой, неизбежной
паперти земной?

Ты готов ли целовать камень,
брошенные вслед?
От любви, похожей на смиренье,
ждать ответ?

Ты готов ли? Я ли не готова
умирать:
вот стоите рядом — ты и слово! —
надо выбирать...

* * *

Что с нами, милый?! Мне все чаще
идет на ум:
так виноград последний слаще —
почти изюм.

Так на прошедшие мытарства,
каменьев град,
отдав полжизни и полцарства,
уже глядят.

Так не зовут уже, не ищут
земных утех,
а молча ждут на пепелище,
чтоб выпал снег.

Все так... Но если ночью каждой —
о, исполать! —
то умирать дано от жажды,
то вновь пылать?

И если это не расплата
и вход в пике,
а просто нежностью прижата
щека к щеке?!

Знать, на осеннем одиноком
уже пути
Господь обвел нас дольным оком
и — дал пройти.

СВЕТЛАНА ЗАМЛЕЛОВА

СКВЕРНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

ИСТОРИЯ ОДНОГО
ЧЕЛОВЕКА, РАССКАЗАННАЯ
ИМ ПОСМЕРТНО

Светлана Георгиевна Замлелова родилась в Алма-Ате. Окончила Российский государственный гуманитарный университет (факультет психологии и факультет музейного дела). Кандидат философских наук.

Прозаик, публицист, критик, переводчик. Автор нескольких книг (проза, критика, переводы, философская монография) и многочисленных публикаций в отечественных и зарубежных изданиях.

Награждена памятной медалью «А.П. Чехов». Общероссийским движением «Россия православная» награждена медалью «За развитие русской мысли» имени И.А. Ильина.

Член Союза писателей и Союза журналистов России. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

РОМАН

Доводилось ли вам испытывать то чувство, когда отчетливо понимаешь, что сущность твоя многолика? И что все эти лики неусыпно следят друг за другом и неусыпно друг друга оценивают? Среди них есть плохие и хорошие, мужчины и женщины, старики и дети. Но все они совершенно разные. И если один хочет добра, то другой непременно нашепчет злого. Если один потянется к худому, выскочит другой — на удивление добродетельный — и примется усовещивать. Кто-то из них может быть грубым или по-женски жалостливым. Кто-то может ребячливо захныкать или разворчаться по-стариковски. Но вся эта толпа уживается в одной душе, которая похожа на отражение в многогранном зеркале, где каждая грань запечатлевает разные фигуры и лица. Теперь, когда меня нет, я очень хорошо понимаю, каким я был, — нужно было умереть, чтобы разобраться в самом себе! Только теперь я знаю, что же такое душа человеческая и из чего она состоит.

Поэтому, приступая к повествованию, я считаю, что целесообразно было бы дать слово разным своим личинам, пусть разные обитатели моей души расскажут, что и как они видели и понимали в той моей жизни. Я даю себе известную долю свободы, но не ради прихоти, а чтобы не сделать рассказ зависимым лишь от одной из частей самого себя. В этом случае повествование только выиграет, приобретя беспристрастность, поскольку ни в одной душе вы не встретите лада — все ее составляющие всегда находятся в противоречии друг с другом. Те, кому я намереваюсь дать слово, представят отнюдь не полную картину моей жизни, а только несколько набросков, наиболее характерных и необходимых для понимания моей истории в целом. А это именно моя история, история одного человека, рассказанная им посмертно. Разли-

чит ли читатель повествователей, нет ли — не имеет решающего значения. Пусть каждый из них расскажет то, что сочтет нужным.

Город

Среди прочих наблюдений, сделанных мной при жизни, интереснейшим я считаю об оскудении любви. Не знаю, когда это началось, но уверен, что к двадцатому веку человечество почти утратило способность любить. А может, по ходу эволюции лишилось какого-нибудь органа, ответственного за эту способность. Встречаются, конечно, и случаи атавизма. Но, думаю, со временем они сойдут на нет. Любовью принято называть сегодня влечение или обеспокоенность удобством и связанную с ней деятельность по сохранению этого удобства. Если, например, болеет близкий вам человек, вы либо страдаете вместе с ним и стараетесь облегчить его страдания, либо испытываете неудобство и стремитесь устранить его. Но грань настолько тонка, что едва ли вы сами поймете, что именно почувствуете, а поняв, едва ли признаетесь, что к чему.

Весь двадцатый век люди только и делали, что пытались научиться уживаться друг с другом, то есть с противным, но неотвязчивым ближним. Что, к слову сказать, выходило не всегда ловко. И тогда оставалось только удивляться бессмысленности и беспощадности происходившего вокруг. А впрочем, никто уже и не удивляется.

История нашего города — это история оскудения любви в одной отдельно взятой точке на глобусе. По мере оскудения наш город хирел и чах. А недавно начавшееся возрождение, ознаменованное появлением пластмассовых зданий и чего-то золотистого на церковных куполах, связано лишь с очередной попыткой заменить любовь умением уживаться. Даже попытки переименовать город напоминают более фарс. Еще бы! Богоявленск очень даже легко может стать Убыревском. Но может ли Убыревск так просто стать Богоявленском?

Небольшой наш городишко всегда был порядочным захолустьем. Но во время оно, в отличие от дня сегодняшнего, он славился козловыми сапожками, производимыми во множестве кустарями-умельцами. Тогда же город и назывался Богоявленском — по имени, конечно, собора, украсившего главную и единственную площадь, а вовсе не в память о явлении горожанам Всевышнего, как того бы хотелось местным патриотам и богомолкам. Вокруг старого названия у нас образовалась целая мифология, а заодно и партия уверовавших, что Господь действительно являлся в наших палестинах. А это, по их мнению, делает горожан особенным — да чего уж! — богоизбранным народом. Думаю, в будущем еще удивятся, что породила невиннейшая, казалось бы, фантазия.

Судить о том, как выглядел когда-то Богоявленск, можно, посетив краеведческий музей, вторую нашу достопримечательность после собора. Здесь вы найдете все, начиная наконечниками стрел и топорами, служившими первым автохтонам в быту и самообороне, и заканчивая цветными фотографиями с недавнего освящения собора, восстановленного на средства прихожан и благотворителей. Но, конечно, главным экспонатом стал деревянный макет Богоявленска, сооруженный местным «левой», всем известным пьяницей Поцелуевым. Руководимый директором музея, Клавдием Маркеловичем Аминодавовым, на свой страх и риск обратившимся к нему с заказом, Поцелуев воссоздал город по фотографиям и документам середины девятнадцатого века.

Такие люди, как Аминодавов и Поцелуев, есть, наверное, в любом русском захолустье. Один — почтеннейший старожил, влюбленный в какое-нибудь свое дело энтузиаст, равнодушный к вихрям перемен хранитель старины и традиций. Другой — забулдыга и голь, кабацкая теребень, но непременно с золотыми руками. Иногда они сходятся, и тогда между ними возникает дружба, потому что, несмотря на внешнюю разницу, они удивительно похожи по своему устройству. Только один твердо знает, что счастлив тот, кто следует своему призванию. А другой так всю жизнь и боится в это поверить.

Макет Поцелуева стал гордостью нашего музея. Туристам у нас показывают две вещи: сначала собор, потом макет Поцелуева. Над макетом можно стоять часами — воссоздано все до мельчайших подробностей. Прежде всего обращаешь внимание, что город разделен на четыре части водой — большой рекой и двумя впадающими в нее с двух сторон маленькими, почти ручьями. На стрелке громоздится собор — тяжелый, неповоротливый и немного неуклюжий. Рядом с ним тянется вверх тоненькая колокольня. Мне всегда казалось, что собор похож на купца с бородой, а колокольня — на его дочь, не научившуюся еще быть купчихой бледную и худую гимназисточку.

От площади бегут во все стороны узкие улочки, мощенные круглым, гладким и блестящим от множества ног камнем, похожим на рассыпанные яблоки. Дома в городе были большей частью каменные или с каменным низом и деревянным верхом. Многие с мезонинами. Человеку со стороны эти двухэтажные напыщенные домишки показались бы, должно быть, неуклюжими и лишенными всякой привлекательности. Мне же они казались прекрасными, поскольку было в них что-то настоящее, чего мне так не хватало всегда.

А еще был городской сад, где в беседке играл оркестр. Был вокзал с деревянным перроном, была пристань с дебаркадером, было множество маленьких церквочек, был даже мост инженерной работы. И все это, представьте, видно на макете Поцелуева.

Мне очень нравился наш город на макете, гораздо больше, чем в действительной жизни. Наверное, это был самый обычный, заштатный городишко. Но прошлое всегда обладает притягательной силой. Мне нравилось простаивать перед поцелуевским макетом, я почти уже слышал звон изо всех этих маленьких исчезнувших церквушек, обрывки вальса из городского сада, шум у дебаркадера... Мне ужасно хотелось попасть в прошлое, запечатленное в макете. И в такие минуты я даже был готов поверить в явление Господне на стогнах нашего городишки. Но увы! Я был жителем другого города, получившего свое новое название в честь товарища Убыревича, побывавшего когда-то проездом в Богоявленске и даже будто бы подвергнувшегося здесь покушению. А разве может Господь явиться в городе по имени Убыревск?..

Перемена названия и в самом деле не прошла бесследно: город очень скоро стал другим. Почему-то перестали шить козловые сапожки. Собор закрыли и устроили там склад. Вырубили городской сад, хотя кому он мешал? Оркестр, говорят, расстреляли. Взорвали почти все маленькие церквочки, а из каменных двухэтажных домов выселили всех жильцов. В одном из таких домов разместились ЧК, и, наверное, поэтому за домом закрепилось название «пыточная». Так до сих пор и говорят в городе: «А вот, что рядом с пыточной...», «Как пыточную пройдете — налево...». Теперь там открылось кафе, называется оно «У Пыточной».

Бульжные мостовые со временем залили асфальтом, который, как известно, не слишком-то долговечен и каждую весну требует подновления.

Но денег на эдакую роскошь в казне не водится, а потому наши улицы выглядят теперь так, как будто их готовили под посев.

Словом, не знаю, в чем уж тут дело, но только наш Убыревск и Богоявленск на макете Поцелуева — два совершенно разных, лишь в чем-то похожих города.

Между прочим, Поцелуев тоже слыл нашей достопримечательностью, третьей в общегородском рейтинге. Это немудрено: личность Поцелуев был презанимательная. Большую часть своего времени он бывал пьян. Не раз я видел его шатающимся в одиночестве по городу и тянущим какие-то дурацкие песни. Все его знали, а заодно знали, что Поцелуев не обычный спиртоглот. Раньше о нем говорили просто: «золотые руки». Капитализм заставил с новой стороны взглянуть на Поцелуева. Кто-то однажды заметил, что «в Америке он был бы уже миллионером». Эта мысль приглянулась как новизной, так и близостью чаяниям того времени. О Поцелуеве заговорили как о несостоявшемся богаче, который, однако, при известных обстоятельствах еще вполне может состояться. Потенциал Поцелуева заключался в его таланте и мастерстве краснодеревщика. В самом деле, он, например, резачил такую мебель, какую и в столицах не сыщешь. Трезвея, он охотно принимал и со тщанием исполнял заказы. Исполнив, запивал. Как-то город заказал у него деревянных медведей для украшения улиц и скверов. Поцелуев проявил фантазию, отчего медведи его, исполненные в натуральную величину, получились как живые. Часть из них имела вид самый миролюбивый и даже задорный. Остальные выглядели откровенно пугающе. И долго еще несколько поцелуевских медведей наводили ужас на прохожих, пока наконец горожане не привыкли и не перестали пугаться. Рассказывали, что у градоначальника побывали ходоки, требовавшие очистить улицы города от чудовищ. Но глава города придерживался принципа: «Все, за что уплочено, должно быть проглочено», — и чудовища с вздетыми лапами, оскаленными клыками и дыбящейся шерстью остались на своих местах. Градоначальник же как мог объяснил, что «только теперь город обрел наконец-то свое лицо». Лицо это, правда, напоминало более гримасу, но зато и в самом деле ни на кого не было похоже.

Клавдий Маркелович, давнишней мечтой которого был макет Богоявленска, собрал-таки деньги и тоже обратился к Поцелуеву. Но Поцелуев выказал себя подлинным патриотом и от денег отказался, чем привел Клавдия Маркеловича в совершеннейший восторг и с тех пор приобрел в его лице преданного друга. Клавдий Маркелович взял на себя опеку над неприкаянным мастером, временами увещевая, а временами и вырубая его рублем.

Как-то Поцелуев исчез вдруг из города. Не сразу, но исчезновение его заметили и обеспокоились. Вскоре выяснилось, что он отправился в Сочи: какой-то приятель, работавший там на верфи, пригласил его подработать. Верфь получила заказ от некоего нувориша, решившего обзавестись собственной бригантинной. Поцелуеву же предстояло решить убранство кают и салона. Заказчик попался с причудами и везде непременно желал видеть резьбу. И Поцелуев не подкачал, превратив внутренности бригантины в какое-то подобие индийской шкатулки.

И вот когда довольный заказчик разбил о борт бутылку шампанского, когда корабль спустили со стапелей и ветер в нетерпении уже рвал паруса на грот-мачте, когда священник, окропив корму, благословил «корабль сей» — вот тут-то корабелы, оставшись по окончании торжеств одни под парусами, решили отметить окончание работы в узком кругу. Судя

по тому, что очнулись они в территориальных водах Турции, праздник удался на славу. Правда, корабль вместе с мореплавателями немедленно арестовали турецкие власти. А тут еще ни у кого из участников круиза не оказалось при себе ровнехонько никаких документов. Когда же дали знать хозяину парусника, тот не замедлил явиться в Турцию вызволять бригадину — он с ног сбился, разыскивая свою пропажу. После недолгих переговоров с турецкими властями, безуспешно пытавшимися разгадать тайный смысл вторжения с моря, он увел корабль обратно в Сочи.

За свою работу Поцелуев и К⁰ не получили ни копейки — хозяин заявил, что расплатился с ними путевками в Турцию. Он был очень разгневан и грозил даже оставить корабелов в Порте, уверяя, что продать бездокументных туристов ему ничего не стоит. Жаль, говорил он, таких дураков не купит никто. Но высказанная случайно мысль о работоторговле ему, видимо, приглянулась, потому что за первой угрозой последовала вторая, обещавшая продажу в Чечню. Хозяин настолько увлекся, что принялся живописать зинданы, жизнь впроголодь на цепи и прочие прелести рабской жизни. Корабелы испугались и стали замышлять побег. Но хозяин, бывший, видимо, человеком богобоязненным, не решился прибегнуть к столь крайним мерам. И вскоре Поцелуев, обогащенный, правда, исключительно впечатлениями, вернулся в Убыревск.

И словно нарочно, чтобы не растерять прикованного к себе внимания, немедленно удивил всех новой выходкой: отправился в ЗАГС и сменил фамилию. То есть вдруг выяснилось, что собственное прозвание Поцелуеву опротивело и он решил именоваться... Керенским.

Тут уж, что называется, пошла потеха. Встречая теперь Поцелуева-Керенского, невозможно было удержат улыбки. Кто-то отворачивался, кто-то, напротив, тарашился, как будто рассчитывал увидеть причину странного поступка или рассмотреть перемены, произошедшие в связи с переименованием. Находились и такие, кто непременно желал вступить в разговор и лез здороваться, называя при этом Поцелуева Александром Федоровичем. Бывали случаи, когда у Поцелуева спрашивались относительно женского платья — не надобится ли.

И только Клавдий Маркелович отнесся к Поцелуеву с состраданием.

— Что вы это удумали? — увещевал он новоиспеченного Керенского. — Зачем? Кто подсказал вам такую вздорную мысль?.. У вас хорошая фамилия — звучная, у Гоголя встречается... Да такую фамилию еще поискать! Да я бы и сам согласился носить вашу фамилию. Но я — Аминодавов... Но ведь не ропщу и не помышляю о перемене фамилии... Ну вы же умный человек! Поймите же, что это, наконец, глупо! Ну какой вы Керенский? И с какой стати вам быть Керенским?.. Прошу вас, верните себе свое имя, станьте собой прежним... Уверяю вас, так будет лучше... Уверяю вас...

И ведь уговорил. Побыв какое-то время Керенским, Поцелуев снова стал Поцелуевым. В городе еще немного посмеялись, поудивлялись да и забыли. И Поцелуев на время покинул центр общественного внимания, уступив его нашей семье. О том, почему и как это произошло, я расскажу позже. А пока познакомлю читателя с участниками описываемых мной событий.

Семья

У своих родителей я был единственным чадом. Кое в чем они были, по-моему, очень похожи: прожив большую часть жизни в браке, оба они

сохранялись как холостые натуры и более тяготели к времяпрепровождению в компаниях, нежели к семейному созиданию. Это вовсе не означает ничего разгульного и неприличного, но заниматься семейными делами им было скучно. Помню себя в парке под высоким пивным столом, а над столом — пиво и смех. Родители, их приятели, родня... Толпа взрослых и никому не нужный я, от общего веселья получающий лишь кислотоватый бродильный запах. На все попытки дать о себе знать — торопливое «сейчас», пока наконец уборщица не вмешивается и не пробивает эту стену пивных паров и неиссякаемого пустословия.

— Бесстыжие! — восклицает она, и вся компания «бесстыжих» поворачивает к ней головы и умолкает. — Вы что ребенка-то бросили?.. Стоят хлещут...

От искренней чужой жалости, оттого, что хоть кому-то оказалось до меня дело, я раздражаюсь рыданиями. И тут же, в ответ, на меня изливаются потоки лицемерно-ласковых попреков и удивления:

— Ну что же ты! Да как же ты? Ведь мы же договорились — сейчас пойдем кататься!.. Ну, ты даешь! Прямо как маленький!..

А я и был маленький. Чужая, необразованная женщина с венником, в синем халате и нелепой косынке это понимала. А родители мои — нет.

Дома большей частью родители казались мне то скучающими, то раздраженными, зато в шумном окружении заметно оживали. Отец при этом добрел, мама напускала на себя каждый раз что-то новое. Родителям я был интересен в возрасте пухлых пальчиков и персиковых щек. Тогда, я помню, меня еще ласкали и говорили нежные слова. Но интерес, видимо, скоро прошел, потому что все время потом я чувствовал себя какой-то помехой их размеренной жизни. Маме, наверное, иногда хотелось дать мне почувствовать, чего я стою, и с этой целью она прибегала к своеобразным приемам. Отправлялись мы, например, покупать мне игрушку. Событие, надо сказать, долгожданное, почти праздник. И вот мы приходили в «Детский мир», долго рассматривали и покупали что-то совсем ненужное — какие-то трусики, маечки, колготочки... Но всему есть предел, и мы наконец оказывались в отделе игрушек. Но стоило мне выбрать медведя, как выяснялось, что это неправильный медведь. Правильным был белый, лежащий на животе с вытянутыми вперед передними лапами, а не этот желтый урод с ногами-палками. Тогда «желтый урод» становился мне милей родного брата, если бы таковой у меня был, потому что кто же купит уroda? Начинались увещевания. Посмотри только на белого — вот он лежит, он так хорош, что даже сложно поверить. А этот твой... Но желтый смотрел на меня широко распахнутыми глазами-пуговицами с такой надеждой, что не купи я его сейчас, то, наверное, никогда бы уже не простил себе этого. Увещевания не прекращались. Ты посмотри, ты сравни только: у белого аккуратные ушки и лапки тоже аккуратные. А какие маленькие черные глазки!.. Господи! Да зачем же вам надо, чтобы я выбрал белого, когда мне нравится этот — желтый, ушастый, с глазами-пуговицами и ногами-палками! Мне не нужно другого! И праздник оканчивался слезами.

Желтого покупали, и я нес его домой, словно спасенного, прижимая к груди и промакивая его нелепыми ушами свои еще влажные глаза. Но покупка превращалась для меня в страшное воспоминание, которое мама считала своим долгом время от времени оживлять, рассказывая всем, какой я упрямый и бестолковый и как это все смешно. И все смеялись.

Она все-таки выбросила моего Ушастика, уже потом, спустя годы. Унесла все игрушки в гараж, а его выбросила.

Она как будто чувствовала себя моей хозяйкой, хотела владеть и распоряжаться мной, я и сам был для нее таким же медведем. Помню, еще в детстве она, не спрашивая меня, раздавала мои игрушки и мою же одежду, если считала это нужным. Однажды она придумала, что у нее больное сердце, и с тех пор стала повторять, что из-за меня может умереть. Иногда ночью и каждый раз, когда она засыпала днем, я подходил к ней на цыпочках и смотрел, не умерла ли мама. То и дело мне снилось, что она умирает, и я в слезах просыпался и звал ее. Тогда она приходила и бывала ласкова. Она вообще бывала ласкова, когда я страдал. И уже потом, вспоминая все это, я подумал, что, должно быть, она нарочно мучила меня: когда я страдал, я был беззащитен, а значит, особенно нуждался в ней и зависел от нее.

Став старше, я научился огрызаться, да и вне дома стал бывать дольше и чаще. Тогда пошли экзекуции: начинавшееся словами «ну, что ж, раз ты такой самостоятельный...» недельное молчание. И вот она неделю не обращает на меня внимания — ходит мимо, смотрит тоже мимо, на призывы не отзывается. Молчит и отец, которому она не упускала случая на меня пожаловаться. И вот негодующий, гневно бросающий мне в лицо «свинья», он отворачивается.

Но о родителях я еще буду говорить особо. А пока хочу поделиться еще одним своим наблюдением: дети почти никогда не знают своих родителей. Вдумайтесь! В этом есть что-то пугающее. Когда мы пытаемся разобраться в себе, мы возвращаемся в детство и там ищем потерянные ключи от счастья. Но заглянуть в родительское детство невозможно. А значит, мы можем только говорить «мама добрая», «папа жадный», мы можем принимать это или не принимать. Но мы никогда не узнаем, почему так получилось. Сознательно или неосознанно, но взрослые почти всюду мучают детей, и, вырастая, вчерашние дети объясняют себя своими детскими мучениями. Но неизменно мучительство воспринимается как имеющее начало и конец — редко кто задумается о том, что и мучителей, возможно, мучили в свое время. Слишком уж много великодушия требуется. И все это тянется из века в век, и никто не может прервать дурную бесконечность.

Вот и я толком не знал своих родителей. То есть я знал, какие они, но не знал, почему они такие и каково им быть такими.

Между собой они жили неплохо. Во всяком случае, сцен друг другу не устраивали, а если и выражали недовольство, то сравнительно тихо и довольно скоро потом находили пути к примирению и согласию. Никаких продолжительных и громких скандалов, тем более с нецензурщиной, криками и мордобоем, я в семье никогда не видел. Мама поглядывала на отца несколько свысока, поскольку отец не был местным, а у мамы в городе имелась многочисленная родня. Отец в свою очередь относился к этой родне со сдержанным скепсисом. Но мама и несколько ее сестер сложили когда-то миф о своей семье и самозабвенно этого мифа держались, уверяя всех в какой-то своей фамильной исключительности и то и дело рассказывая друг другу истории, подтверждающие эту исключительность. При этом даже о родителях своих они имели представления весьма смутные, о дедах не знали ничего, кроме имен и отчеств, а о прадедах знали только то, что они были. Зато придумываемые ими истории были одна другой нелепее, но они этого даже не замечали, а только пуще верили своей мифологии. Ну, например, они

зачем-то рассказывали, что их отец был комиссаром в Гражданскую. Но отец, мой дед, только родился в 1913-м. Представить, что пяти лет он оказался в гуще военных событий, пожалуй, еще можно. Но поверить в то, что тогда же его произвели в комиссары... Признаться, я и сам до некоторого возраста исповедовал их веру, пока наконец не понял, что основываться ей не на чем. Окружающих, думаю, временами раздражали эти выдумки, как и любые другие выдумки про чью-то исключительность. Но поскольку дальше выдумок дело не шло и все до поры до времени оказывалось сравнительно безобидным, то и всерьез этой мифологии никто не пытался противостоять, а то, бывало, и соглашались. Отец, например, проявлял удивительную покладистость в этом вопросе, за что его, кстати, хорошо приняли и отношения его с родственниками оставались даже приятельскими.

Впрочем, это мамино высокомерие проявлялось только в редких, да и то косвенных напоминаниях отцу, что родней они никогда не сочтутся. Но отец и не делал к тому попыток. В остальном же у них установились равноправие и взаимоподдержка. Нежности в их отношениях я не замечал, скорее это было похоже на дружбу. Не могу сказать, что их дружба как-то затрагивала и меня. Я был похож на случайно затесавшееся в их жизнь, постоянно мешающее существо, от которого нельзя, да и жалко было бы избавиться, которое, может, могло бы и сгодиться, но, увы, не годно ни на что. Конечно, они, случалось, ласкали меня и занимались со мной. Почти каждое лето мы куда-нибудь ездили вместе. Но поездки нередко заканчивались происшествиями, обнажавшими мою заброшенность и выставившими меня как некстати болтавшегося под ногами и требовавшего внимания маленького чудака. По родительскому недосмотру я падал, тонул, на голове и в животе у меня селились паразиты, руки оказывались в дверных проемах в то самое время, когда двери хлопывались, а ноги ступали именно туда, где из досок торчали гвозди. Этот стиль отношений сохранялся у нас до последнего — родители не уставали меня воспитывать, беспрестанно во все вмешиваясь, то запрещая, то наказуя. Но при этом не могли ни сохранить от действительных глупостей и опасностей, ни наставить и подсказать, как же все-таки следует жить.

Но родителями, как я уже упомянул выше, семья моя не ограничивалась. Целый сонм родственников мамы проживал в городе и держал нас так же цепко, как и большая планета держит свой маленький спутник. С некоторых пор я стал понимать, что мамина семья осталась там, среди ее бесчисленных сестер и братьев, родных, двоюродных и прочих самых невообразимых. Редкий выдавался день, чтобы она не налаживалась к тете Амалии, своей старшей сестре, жившей неподалеку от нас. О тете Амалии я не премину рассказать в свое время.

Ежевечерне у тети Амалии собирался женский клуб, состоявший из разновозрастных женщин нашей семьи. Клуб не имел постоянного состава, собирался на кухне и обыкновенно коротал время за обсуждением насущного. Обсуждались цены, происшествия, личная жизнь знакомых и даже политика и культура. Именно здесь, в женском клубе, принимались решения и выносились приговоры. Здесь рождались идеология и стратегия развития отдельно взятой ячейки общества. Как и в любом другом клубе, здесь существовали свои пристрастия, привычки и даже традиции. Существовали, например, традиция чаепития и пристрастие к семечкам. При этом чай заваривали тоже привычно-традиционным способом: добавляли в заварочный чайник кипяток до потери чаем цвета. Такой чай

одна моя двоюродная сестра назвала как-то «мочой пожилого зайца», и с тех пор, как только кто-нибудь вспоминал о пожилом зайце, заварка обновлялась. Но не раньше.

Беседы тоже были с традициями. Например, традиционно обсуждался Стас — муж одной дальней родственницы. Стас имел распространенную пагубную привычку, что превращало его в идеальный предмет для обсуждений и осуждений, венчавшихся прогнозами и дерзкими умозаключениями.

— Ну, этого нельзя так оставлять, — важно, обирая с губ подсолнуховую шелуху, говорила одна из участниц заседания клуба по поводу ночи, проведенной Стасом за пределами дома.

— Конечно, нельзя. Что это такое? — подхватывала другая.

— Маринка-то посмотрит, посмотрит и бросит его, — отмечала третья. — Зачем он ей такой нужен!

— Ну, не скажи! — отвечала первая или вторая. — У Стаса руки золотые.

При этом совершенно неважно, кто и что говорил, потому что одни и те же слова ходили по кругу. Сегодня их озвучивали мама — тетя Амалия — тетя Эмилия. А завтра тетя Амалия — тетя Эмилия — мама. И это, конечно, условно, потому что участниц заседания было больше, круг, соответственно, шире, да и реплик погуще. Главное — атмосфера перетекания из пустого в порожнее блюлась и сохранялась неизменно, поддерживая собой уютный и теплый кухонный мирок.

С юных лет и я не раз участвовал в заседаниях кухонного клуба. Мама приводила меня с собой к тете Амалии и оставляла на произвол судьбы. Если на то время в доме не случалось других детей, судьба предоставляла мне на выбор — сидеть на кухне или отправляться в комнату с книгами. Я старался урвать у судьбы, а потому, наслушавшись разговоров о Стасе, шел к книгам. Услышанное и прочитанное одинаково будоражило мое воображение. Историю Стаса я воспринимал как-то по-своему. Стас был для меня эпосом с бесконечными странствиями и приключениями, при всем внешнем однообразии которых нет-нет да и проглянут новые подробности. Как если бы пять раз повторялась история с циклопом, а на шестой вдруг появлялась бы нимфа Калипсо. Я отнюдь не был обделен историями, как рассказанными, так и прочитанными. Но все же Стасу в моем воображении отводилось если и не особое, то, во всяком случае, специальное место.

Воображение мое и тогда уже было беспокойным — я жил в измышленном мире, населенном героями из книг, существами, порожденными собственной моей фантазией, а равно и знакомыми мне людьми, которые отличались от себя всамделишных тем, что были такими, какими я хотел их видеть. В этом мире могло быть все, что угодно, и каждый мог быть там кем угодно. Я пускал в свой мир всех желающих, каждому из моих приятелей находилось в нем и место, и дело. Придумки не истощались, игра не заканчивалась, счастье не иссякало. Хотите перенестись в Древнюю Элладу? Нет ничего проще! Вот эта палка пусть будет вам копьем, а кусок фанеры — щитом. И пусть на дворе зима, неужели вы не чувствуете запахов моря, кож и колючей травы — кто ее знает, как она называется! Неужели не ощущаете на лбу и щеках жжение от раскалившегося на солнце шлема? И мы отправимся в Малую Азию, а по дороге покорим Эпир и Фракию... Только бы подальше отсюда, только бы унести с этой кухни, от них, от всех... Господи, что я им сделал! Отчего все мое детство — это непрекращающиеся обиды? Ну ладно бы